

и там деревья всякого рода. Это изумительный лес апельсиновых, лимонных деревьев, кедров, абрикосов, слив, вишен, персиков, фиг и прочих. Река Барадди, или Барадда (берет свой источник в десяти лье от Дамаска, на северо-востоке), главная рукава которой послы в древности имена Фарфара и Абаны, разветвляется на многие каналы, которые орошают обилием своих вод сады и город. Пророк Иезекииль хвалит вина Дамаска, его многочисленные фабрики, краску его шерстяных изделий. Шелковые материи и бумажные ткани, сахар и сушеные фрукты, седла для паздшиков степей составляют ныне основу торговли Дамаска; каждый день купеческие караваны выходят из Эль-Хама во все стороны Востока. Многие места Св. Писания изображают этот город центром чувственных наслаждений и удовольствий. Дамаск и ныне принадлежит к числу самых богатых и самых очаровательных городов на Востоке. Внутренность домов в Дамаске представляет много изящества и блеска: это настоящие азиатские молельни с дворами, посаженными апельсиновыми и гранатовыми деревьями или крупным ягодником (jubilère), с фонтанами и водометами. Мусульманская легенда повествует, что Магомед, пораженный при виде этого города его красотой, остановился и не хотел входить в него. «Человеку предназначен всего один рай, – воскликнул пророк арабов, – что касается до меня, я решился не наслаждаться раем в этом мире».

Дамаск, один из первых городов, основанных рукой человека, занимаемый по очертаниям ассирийцами, персами, греками, римлянами и византийскими императорами, подпав под владычество арабов с первых времен эгиры (VII в.), образовал мусульманское княжество. В эпоху Второго крестового похода это княжество, подвергаясь нападению то франков, то ортокидов, то агабеков и ограбчиваясь почти одними городскими стенами, принадлежало мусульманскому владетелю, который должен был защищаться от вторжения чужеземных врагов не менее, как и против честолюбия эмиров. Пуреддин, владетель Алеппо и многих других городов Сирии, делал уже много раз

попытку овладеть Дамаском и никогда не терял надежды присоединить его к своим завоеваниям, а между тем христиане уже решились осадить этот город.

Дамаск был защищен высокими стенами с восточной и южной стороны; с запада и с севера он имел для своей защиты одни густые и обширные сады, где со всех сторон возвышались изгороди; земляные стенки и маленькие башни, в которых можно было поместить стрелков. Составители хроник с удовольствием рисуют нам состояние христианской армии при ее прибытии к степям Дамаска. «О!» восклицает автор “Деяний Людовика VII”, – как хорошо было глядеть на эту армию с ее многочисленными палатками, совершенно новыми, с ее разноцветными и разнообразными знаменами, колеблющимися по воле ветров! Мусульмане, стоя на высоте своих укреплений, трепетали при ее виде: их страх не представлял в себе ничего удивительного, ибо они знали: им приходилось сражаться с цветом французского дворянства». Крестоносцы, готовясь начать осаду, определили в совете прежде всего овладеть садами. Они рассчитывали пойти там воду и фрукты; но такое предприятие было сопряжено с великими затруднениями: сады, тянувшиеся до подножия анти-Ливана, представляли собой густой лес, перерезанный узкими тропинками, где два человека с трудом могли бы пройти рядом. Неверные изготовили повсюду окопы, в которых они могли безопасно сопротивляться нападениям крестоносцев. Но ничто не могло удержать храбрость и порывы христианской армии, которая проникла в сады с различных сторон. С высоты башен, из укрепления стен, из чаши густых деревьев вылетали тучи стрел и дротиков. Каждый шаг христиан в этой защищенной местности был обозначен упорной битвой. Между тем неверные, выдерживая беспрерывные нападения, припуждены были, наконец, оставить свою позицию. Король Иерусалима шел первым во главе своей армии и рыцарей ордена тамплиеров (иоаннитов); за восточными христианами выступали французские крестоносцы, предводительствуемые Людовиком VII. Император Германии, собравший остатки